

С.А. Юдицкий

ВОЙНА ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА

Воспоминания

Санкт-Петербург
Научно-технологические
2017

УДК 82-94
ББК 63.3(2)62:35
Ю16

Ю16 Юдицкий С.А. Война глазами ребенка. Воспоминания. – СПб.: Научное издательство «Лань», 2017. – 21 с.

22 июня 2016 г. исполнилось 75 лет с начала самой страшной войны за всю историю цивилизации. Война определила жизнь и судьбу не только военного поколения но и двух, следующих за нашим. К сожалению сейчас ужас того времени стал забываться. Можно услышать совершенно непотребные лозунги, воинственные призывы. Произносящим их стоило бы напомнить о невероятных страданиях, которые принесла всем народам эта война.

Представляем вниманию читателей очерк о восприятии десятилетним мальчиком событий во время войны в глубоком тылу. Материал сугубо личный и основан на воспоминаниях профессора С.А. Юдицкого о том, трагичном и тяжелом времени нашей страны.

Издано в авторской редакции с оригинал-макета подготовленного автором.

Оглавление

Предисловие	3
До войны.....	4
Чистополь	5
Наманган и Андижан.....	8
Фергана. Детский дом	13
Москва 1943-45	17
Послесловие	20

Предисловие

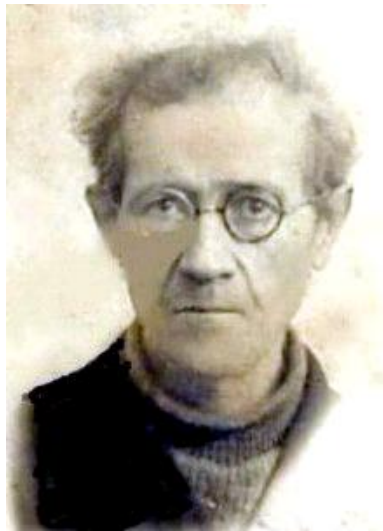
Непростая история моей жизни во время войны связана с личностями родителей и отношениями между ними. Начну не с начала войны, а с более ранних времен. Мой отец, Абрам Давидович Юдицкий, 1886 г.р., был известным в еврейских кругах журналистом, писавшим на идиш и иврите, до роспуска партии БУНД после октябрьского переворота был ее активным членом, занимался еврейской историей с иудейской войны до настоящего времени, был литературоведом и театроведом. Во время гражданской войны на Украине и оккупации Киева поляками отец был взят в заложники, перевезен в Польшу и заключен Хелмский лагерь военнопленных, отличающийся высоким процентом смертности заключенных. Из лагеря ему удалось бежать и вернуться в Киев, где он стал зам руководителя информационного отдела Красного креста по Украине, активно участвовал в создании «Погромной книги 1918-1922» (сборник документов, выложенный в интернете). Брак с моей матерью был вторым у отца, первая жена умерла, умер в 2 года от скарлатины первый мальчик, а дочь – моя сводная сестра, биолог-гистолог, умерла в 1954 в возрасте 40 лет.

Моя мать, Хорол Вера Соломоновна (Двойра Шулимовна) 1894 г.р., работала учительницей, после моего рождения в 1932 г. писала на идиш стихи для самых маленьких, издававшиеся большими тиражами в виде книжек-малышек. Была членом Союза писателей.

До войны

В первое десятилетие советской власти отец в Киеве был профессором Института еврейской культуры при Украинской академии наук, читал лекции студентам, редактировал, писал рецензии. В 1933 г. муж сестры отца, работавший в НКВД, предупредил отца, что он как бывший бундовец, а следовательно «враг народа», в списках подлежащих аресту, и семье лучше уехать и «раствориться». Мне был один год. И мы срочно, с минимумом имущества, переехали в Москву и сняли комнатку в Подмоскowie. К этому периоду относятся мои первые, не стертые временем воспоминания. НКВД потеряло след отца, возможно, что те, кто замышлял его дело, сами были ликвидированы.

Мы кочевали с одного съемного жилья на другое, пока не получили за выездом другого писателя сырую и темную мансарду с высотой потолка 2 м, бывшую комнату для прислуги, в одном из арбатских переулков. В ней мы с матерью (отец умер в 1943) прожили 20 лет с перерывом на эвакуацию (1941-43). Помимо плохих жилищных условий, в семье был тяжелый психологический климат. Мать – деспотичный эгоистичный человек, впадающий в панику по



Абрам Давидович Юдицкий
(незадолго до смерти в
январе 1943 г.)

ничтожному поводу (и без повода), буквально изводила отца. Он, как интеллигентный человек, не мог отвечать на том же «языке», но отказался питаться на заработанные матерью гонорары, и серьезно недоедал. За 10 лет брака отец из сильного красивого молоджавого мужчины превратился в истощенного пожилого человека, каким я его и запомнил. От ухода из семьи отца удерживал ребенок, т.е. я, тем более, что первого сына он потерял.

Где же была моя сестра, старше меня на 18 лет, высокая красивая девушка? После окончания школы в Киеве она переехала в Москву к родным первой жены папы. В большой квартире на Гоголевском бульваре (глава семьи занимал высокий пост) сестре выделили комнату, она поступила в МГУ на биофак, закончила его, а затем и аспирантуру МГУ. Перед самой войной работала ассистентом в 4-м мединституте и готовилась к защите диссертации. В 1940 вышла замуж за офицера – военного инженера. Она часто бывала у нас, как могла заботилась об отце, мне приносила вначале игрушки, затем спортивные атрибуты – санки, лыжи, коньки, и книги.

Чистополь

В последние дни июня 1941 года специальным эшелоном были эвакуированы дети московских писателей. Пунктом назначения был Чистополь, выбранный в качестве писательской эвакуационной столицы – город в Татарии на берегу Камы в 150-200 км от Казани, не имеющий железнодорожной связи с Казанью. Для размещения детей до конца лета был предоставлен бывший ранее пионерлагерем комплекс «Берсуть» в 20 км от Чистополя вверх по течению Камы. Детей было

примерно 500-600 человек, добирались до Казани поездом, далее непосредственно до Берсути пароходом. Главное впечатление, которое я вынес из Берсути – моя дизентерия. В очень жаркий день группа ребят, в том числе я, играла на берегу Камы, а из скважины на крутом берегу вытекала в реку струйка холодной воды. Это оказался «очищенный» сброс канализации. И я напился такой воды. Через инкубационный период началась дизентерия. Я лежал в амбулаторном городке из нескольких палаток, моей соседкой была девочка на 5-6 лет старше меня – дочь известного сатирика. С первым эшелоном для взрослых в начале июля в Чистополь приехала мама, и увидела списки заболевших детей. Она сразу же поехала в Берсуть и забрала меня в Чистополь. Это происходило в августе еще до начала учебного года, и я, поправившись, гулял по городу или сопровождал маму в ее делах. Она безуспешно пыталась устроиться на работу (город был перенаселен сверх всякой меры) и ждала прихода следующего второго эшелона. Предполагая, что приедет отец. Но эшелон прибыл, а отец не приехал. Такая же история повторилась и с третьим, последним, эшелоном. Я уже снова жил в интернате, и начал учиться во 2-ом классе. В ноябре пришло письмо от отца, что они с сестрой в узбекском городе Наманган.

Из происходивших в Чистополе сценах расскажу об одной, о которой знаю в пересказе от свидетеля. Колхоз привез для продажи на базаре бочку меда. Выстроилась очередь, кто со стаканом, кто с баночкой, кто с другой мелкой посудой. И тут к продавцу подходит известный писатель, можно сказать «классик советской литературы», и говорит: прекращайте торговлю, беру всю бочку. Женщины из очереди чуть не растерзали классика,

он поспешно ретировался. Вот так: одни умирали с голода, другие заводили собственных коров, покупали бочками мед.

Но вернемся к нашей личной истории. Среди эвакуированных в Чистополе ходили разговоры, что несмотря на локальное поражение под Москвой в конце 1941, немцы могут повернуть на юг, перерезать Волгу, выйти в Поволжье и другие центральные районы. Руководство Союза писателей заверяло, что если бы даже и сложилась подобная ситуация, то людей вывезут на машинах по льду Камы к железной дороге. Но это не успокаивало. Сформировалась группа, которая просила эвакуировать их в глубь территории СССР, в Узбекистан. Было принято решение: пока открыт водный путь по Каме, собрать эту группу в Казани и готовить эшелон в Ташкент с вагонами в Самарканд и в Ферганскую долину. Мама решила ехать со мной в Наманган (Ферганская долина), не думая и не представляя, в каком состоянии и положении находится отец. А пока она взяла меня из интерната, и на пароходе мы прибыли в Казань. Там нас встречали автобусы, которые отвозили группу отъезжающих в Узбекистан в пустую школу (правда, там были стулья, на которых мы спали в течении почти месяца). Выходить на улицу детям было запрещено. В конце концов, эшелон был сформирован, и мы отправились в новое путешествие.

А в Москве события развивались следующим образом. Отец пропустил все писательские эшелоны, а сестра эшелон своего 4-го мединститута, направляющийся в Фергану. Отец вообще не хотел эвакуироваться из Москвы. Он считал, что если немцы возьмут Москву, то его как еврея ждет пуля и мгновенная смерть, и этого он не боялся. Если не смогут взять, то он будет продолжать жить один, тем более что ему как члену Литфонда полагалась дополнительная продуктовая карточка. А переезд в

Чистополь обрекает на продолжение брака, который стал ему совершенно невыносимым. Но он постоянно уговаривал сестру эвакуироваться. Аргументами сестры были: она в такие времена не может оставить отца одного, и, кроме того, по своему адресу ждет известий о судьбе пропавшего без вести мужа. Но время шло, и 15 октября 1941 немцы были уже в Химках. Возникла паника, бежали на всех видах транспорта, сестра в эшелон, даже без вещей, было крайне трудно. Отец решился на эвакуацию только ради дочери, и им удалось втиснуться в вагон эшелона, идущего в Наманган. Ни каких-нибудь вещей, ни еды у них с собой не было, только документы. И, с Божьей помощью, доехали до Намангана.

Наманган и Андижан

Мы из Казани тоже доехали до Намангана, этот путь занял около месяца. Поезд больше стоял, чем ехал. Поскольку мы выехали в середине декабря 1941, а отец с сестрой 15 октября, то мы приехали примерно на 2 месяца позже. Была уже ранняя весна. Нас с матерью и отца с сестрой разместили в разных концах города, где единственным транспортом были извозчики. Но они стоили очень дорого. Отец и сестра вместе с несколькими семьями жили в общежитии при узбекской школе, а меня с мамой и еще, примерно 10 семей, разместили в однокомнатной бывшей амбулатории хлопкоочистительного завода. Спали на своих вещах, занимая весь пол комнаты. В момент вселения кто-то из приехавших находился в инкубационном периоде сыпного тифа, а при такой тесноте болезнь стала мгновенно распространяться от одного к другому. Заболевших отвозили в больницу, а когда там были заполнены

все места, то в военный госпиталь. Больше половины из нашей группы, в основном люди старшего поколения, из больницы не вернулись, и были похоронены в Намангане. Мы с мамой были в военном госпитале и выздоровели.



Я и мама в 1939 г

С началом эпидемии в мамином общежитии меня перевезли в общежитие отца. Была надежда, что я не успел заразиться. Но через 3 дня признаки сыпного тифа появились и у меня. Накануне ночью раздался страшный грохот, похожий на «гром» во время переменки в школе. Оказалось, что это землетрясение силой 4 бала. Все обитатели общежития выскочили на улицу, двое, носившие протезы, выскочили на одной ноге. В городе обрушилось несколько домов старой постройки. Следующей ночью сестра и молодой латыш из общежития на извозчике отвезли меня в госпиталь, где уже была мама. Запомнилось, что в госпитале нас кормили пшенной кашей. После голодухи это было объединением, с тех пор я

полюбил пшеничную кашу. Выписали нас, когда была настоящая весна, все цвело. Это был 1942 год. Население нашего общежития сильно поредело (одни не перенесли тифа, других забрали родственники, специально приехавшие из других городов Узбекистана), кроме нас осталась еще одна семья – мать и дочь. Сестра получила приглашение из своего мединститута занять прежнюю должность, и уехала в Фергану. Вслед за ней с перерывом в месяц уехал в Фергану и отец. Там его сразу положили в больницу с диагнозом «пеллагра» – критическое истощение. Осенью 1942, в возрасте 28 лет, в тяжелое военное время, сестра успешно защитила кандидатскую диссертацию.

А мы с мамой остались в Намангане одни, без средств к существованию. Мама добилась командировки в богатый колхоз с целью написать в районную газету статью о колхозе. Не знаю, что у нее получилось, но со мной случились два происшествия. На речке, протекавшей через колхоз, была запруда со встроенной мини турбиной и маленьким генератором, дающим ток для нужд колхоза. Мне вздумалось пройти по запруде, и я соскользнул в озеро перед ней. Меня стало затягивать к турбине, я закричал. На счастье, рядом оказался председатель колхоза, который меня вытащил. Но один мой полуботинок, единственная моя обувь, был потерян. Я отделался испугом, но вторую половину лета и начало осени 1942 проходил босиком, а всю последующую зиму в рваных колошах.

Второе происшествие в колхозе: мы с ребятами камнями сбиваем ягоды с дерева тутовника. Один из брошенных камней, падая, угодил мне в голову. Пошла кровь, но сотрясения мозга, вроде бы, не было. Мама страшно испугалась, и «бежала» из колхоза.

Затем мама устроилась работать в пионерлагерь в должности педагога. Лагерь был под открытым небом (жара 40-45 градусов), кровати стояли в роще, пересекаемой несколькими арыками. Малярийное место. Начальница лагеря поставила свою кровать поперек арыка – как мост. Мальчишки из старшего отряда (12-14 лет) придумали себе развлечение: ночью незаметно забираться под кровать, на которой мы с мамой спали, и по команде начинать орать «педагог», «педагог» (слово непривычное и непонятное). А у меня приступ малярии, трясет, температура под 40, а тут еще эти крики. И снова мы бежим из лагеря, наняли арбу с ишаком, и он везет меня в Наманган по берегу Большого ферганского канала.

Мама не знала, как жить дальше: работы нет, близких рядом нет, на ее иждивении 9-летний ребенок, которого надо кормить и которому еще нужно учиться (я и так пропустил 2-й класс). В областном центре Андижан жили ее брат с женой и ребенком, и старшая сестра с мужем и ребенком. К ним присоединились две сестры жены брата, каждая с ребенком. Все из Киева. Все это множество людей летом 1942 размещалось в узбекской глинобитной палатке с одной комнатой, земляным полом и отоплением кизьяками. Брат был относительно неплохо устроен – замзав обувной артели (в Киеве он был начальником ПДО обувной фабрики), жена – машинистка-стенографистка облисполкома, сестры жены брата имели офицерские аттестаты – их мужья были на фронте. Всем перечисленным обещали к осени 1942 дать жилье в каменном доме. А семье старшей маминой сестры никто ничего не обещал, и она и ее муж, вскоре оба ушли из жизни. Над их девочкой взял опеку дядя.

Мама в августе 1942 еще в Намангане почувствовала недомогание, характерное для инкубационного периода

дизентерии. Но решила все же ехать в Фергану (куда ее никто не звал), с заездом в Андижан. На следующий день по приезду в Андижан началась дизентерия. До госпитализации мама лежала на участке земли, и к ней никто не подходил из опасения заразиться. Она пробыла в больнице месяц, а я все это время жил в кибитке дяди. В этот месяц 1 сентября я возобновил учебу в школе во 2-м классе. Мама в записках из больницы многократно просила, чтобы меня отдали в 3-й класс, что я не без способностей, догоню, что помогут двоюродные сестры, которые учились соответственно в 5-м и 6-м классе, и были одна отличницей, другая хорошисткой. Но на эти записки никто не обращал внимания, до меня просто никому не было дела.

Андижанский период связан с двумя жуткими эпизодами, о которых не могу забыть. Это эпизоды чудовищной жестокости.

На маленьком рынке молодая крепкая узбечка продает лепешки. Вдруг появляется с трудом передвигающийся скелет, в буквальном смысле скелет, лишенный тела, довольно высокого роста. Вероятно, это еще подросток. Он хватается у узбечки лепешку, и семенит к выходу с рынка. Она берет булыжник и запускает в него. Скелет падает, но поднимается и, не выпуская лепешки, снова семенит к выходу, узбечка хватается за новый булыжник и опять сбивает его с ног. Так продолжается несколько раз. Эта узбечка забила бы его до смерти, но вмешивается простой русский мужик: Остановись, оно же тоже кушать хочет! (так и сказал «оно»).

Второй эпизод случился в школе во 2-ом классе. У нас была молоденькая учительница, которую временно послали на сельскохозяйственные работы. Ее заменили пожилой учительницей, которая не понравилась некоторым ученикам.

Перед уроками кто-то принес иголку и воткнул ее в учительский стул со стороны ушка. Вошла учительница, поздоровалась и уже собиралась сесть на стул, как поднял руку узбекский мальчик: не садитесь на стул, там иголка. Узбеков боялись, на действия русских против них они отвечали очень жестко. Узбекского мальчика никто не тронул, а организаторов покушения исключили из школы.

Фергана. Детский дом

В Андижане у нас с мамой был единственный вариант – следующую зиму 1942-43 провести в не отапливаемой кибитке. А это был смертный приговор, что и подтвердилось на примере маминой старшей сестры и ее мужа. Поэтому мы с мамой сразу после ее выписки из больницы уехали в Фергану. Отца немного подлечили в больнице на базе мединститута, а дочь старалась, чтобы он не плохо (по тем условиям) питался. После больницы он жил в одноэтажном каменном доме с коридорной системой, в комнатке с пожилой хозяйкой. Нас он встретил словами: меня сегодня же отдать в детский дом, так как он же через пару недель уедет в Ташкент по приглашению народного артиста СССР, художественного руководителя еврейского театра, работать литературным и историческим консультантом. Будет жить в общежитии театра, а мать сможет занять его «спальное место» здесь. В результате первую ночь в Фергане я спал в детском доме № 1, который был недалеко от дома, где жил отец.

Сейчас словом «детский дом» пугают, детдомовцев усыновляют, в несчастных случаях отдают за границу. После окончания детдома молодых людей ждет незавидная судьба. В те времена было совсем не так. При мне наш детдом возглавила

добрая, умная, увлеченная своим делом женщина, с материнским инстинктом по отношению к каждому ребенку. Ранее она была директором детдома в Херсоне, и из-под носа у наступающих немцев вывезла большую группу воспитанников, которым грозил Холокост, и всех воспитателей. Похоже на подвиг Януша Корчака, в меньшем масштабе и со счастливым исходом. С первого дня переезда в Фергану она начала руководить обустройством детдома, который ранее был в запущенном состоянии. Мы привели в порядок территорию, весной посадили цветы, к полагающейся по штату лошади добавились телочка, две овечки, овчарка, которая вместе с ночным сторожем охраняла детдом. Сторож и овчарка появились после того, как в одну из ночей обокрали детдомовскую кухню: унесли дневной запас хлеба и кашу-«затируху» из муки, приготовленную на завтрак. Воры, видимо, были голодные. Домашних животных мы пасли по очереди. В мое дежурство у меня случился конфликт с телочкой. Я ее вывел за ворота, чтобы она пощипала травки. Но когда я попытался вернуть ее назад, она развернулась, ударила меня рожками и начала отходить еще дальше от ворот. И так повторилось несколько раз. Я испугался, что телочку отнимут, но не знал, что делать. На мое счастье, подошел старый человек, дал мне палку и сказал: не слушается, лупи ее со всей силы. Я так и сделал, телочка перестала бодаться и покорно пошла к воротам. А ведь подобное часто бывает и с людьми.

Учились мы в городской школе вместе с «вольными». Во 2-ом классе запомнилось следующее. На большой перемене всем ученикам полагалась половина пончика – маленькой лепешки, зажаренной на машинном масле. Происходило это так: учительница выгоняла всех из класса (как бы, для

проветривания) и на подоконнике разрезала пончики. При этом присутствовали двое ее собственных детей. Когда я на перемене случайно зашел в класс, то увидел, что она режет пончики не на 2, а на 3 части, и середину отдает своим детям. Поэтому наши порции были такие маленькие. Другой случай. Учительница послала меня в детдом что-то принести. Я не стал одевать пальто, одел только зимнюю шапку-ушанку и побежал. По дороге меня остановил мальчик, недавно исключенный из школы за хулиганство, и начал «заговаривать зубы». Затем схватил мою шапку и побежал. Это увидел проходивший мимо парень постарше, который погнался за ним, догнал, отобрал шапку и отдал мне. Кажется, пустяковый случай, а я вот его помню и в глубокой старости.

Шефство над нашим детдомом взял формирующийся в Фергане 6-й пехотный полк. Командир полка, замполит, многие офицеры часто бывали у нас. Новый 1943 год они встречали вместе с директором детдома и воспитательницами в нашей столовой. Военных тянуло к детям, к домашнему уюту, а мы гордились ими, остановившими фашистские орды и погнавшими их на запад (это было уже после Сталинграда).

С отцом мы простились в конце октября 1942, он пришел в детдом, я в это время болел и лежал в постели. Последние слова отца были «Сейчас я уезжаю. Когда ты вырастишь, то все поймешь». И я понял, хотя для этого мне потребовалось не так уж много времени. Папа умер 5 января 1943 на 57-м году жизни от обострения пеллагры.

Мама приходила буквально каждый день, мы выходили за ворота детдома, и она меня кормила чем-нибудь, что ей удалось достать. Ребятам это не нравилось, ведь у большинства не было родителей. Мне тоже было стыдно, но я ничего не мог

поделать, мама это делала для собственного спокойствия. На отношении ребят ко мне эти частые посещения не отразились.

Приближался праздник 1 Мая. По инициативе директора всем воспитанникам пошили новые костюмчики – курточки и короткие штанишки или юбочки. После окончания учебного года двоих самых истощенных детей отправили на горный курорт. Они настолько окрепли и поправились, что по возвращении мы их не сразу узнали. Мне дали путевку на городскую детскую площадку, где в основном были «вольные» ребята, примерно мои ровесники и старше. Мы проводили на площадке весь день, включая обед. Там я узнал много нового и интересного для себя: об открытиях 20 века в физике и химии, о Марии Кюри и Эйнштейне.

Читатель, наверно, обратил внимание, что я не называю конкретных фамилий, хотя все изложенное правда, пропущенная через детское сознание. Сейчас я сделаю исключение и назову некоторые фамилии: директор детского дома Фаина Ефимовна Шенкман, ее сестра воспитательница Екатерина Ефимовна, замполит пехотного полка майор Погребинский. С тех прошло 73 года, души этих людей уже в другом, более справедливом, мире. Но из этого мира я мысленно благодарю их души за все, что они сделали для нас в своей земной жизни. Надеюсь, что это энергетическое послание дойдет.

Между тем мединститут, в котором работала сестра, готовился к возвращению в Москву. Сестра включила нас с мамой в список родственников сотрудников, которым будут предоставлены места в эшелоне. 22 сентября 1943 г., в мой день рождения (мне тогда исполнилось 11), мы выехали в Москву. Прибыли только в середине октября.

Москва 1943-45

В наш дом, соседствующий с роддомом им. Грауэрмана, во время одной из последних бомбардировок Москвы попала бомба, повредившая как раз нашу мансарду. Был произведен ее грубый ремонт, комната стояла открытой, вещи растащили. Попасть в комнату можно было не только из коммунальной квартиры по внутренней лестнице, но и с чердака, который не запирался (в нем держали дрова и сушили белье). Этот чердак был связан с чердаком над другой квартирой, и имел выход на пожарную лестницу. Так что, пройти в нашу комнату можно было незаметно. Вероятно, в ней кто-то постоянно ночевал, и появился в первый же вечер, не зная, что жильцы вернулись. Это осталось в моей памяти страшным кошмаром. Света нет, электропроводку еще не восстановили, мама куда-то ушла и еще не вернулась, дверь не запирается – нет даже задвижки, я один в мансарде. И вдруг раздаются тяжелые шаги. На внутренней лестнице было тихо, значит человек пришел с чердака. Я закричал «Кто там?». Шаги стихли – гробовая тишина. Прошла минута, а может быть две. А затем топот по внутренней лестнице вниз. Лестница примыкала к кухне квартиры, а из кухни через черный ход был выход во двор.

В Москве наше материальное положение несколько улучшилось. Маме как члену Союза писателей и Литфонда полагались две дополнительные продуктовые карточки, по которым давали, в частности, неупотребляемые нами водку и папиросы. Эти продукты мы продавали на рынке и вместо них покупали овощи (картошку, морковь, капусту) и кости с небольшим количеством мяса. Для отопления по ордеру нам выдавали крупные поленья, которые надо было распилить,

поколоть и сложить на чердаке. Эту работу тоже делали за пол-литра.

В школу в 3-ий класс я пошел только в начале ноября, пропустив почти всю первую четверть. Надо было догонять, а учебники, тетрадки и прочие принадлежности можно было приобрести только на рынке, но денег не хватало. Серьезная проблема была с обувью. Мой полуботинок остался в Наманганском колхозе, ходить в папиных старых ботинках с подвязанными проволокой подошвами было неприлично. Выход нашелся: мамина знакомая сшила из списанных ватников толстые носки (бурки), и они заправлялись в калоши. В таких бурках можно было даже играть в футбол консервной банкой. А в начале 1944 г. мне в школе дали ордер на новые ботинки. Летом 1944 я был вначале 3 недели на детской площадке при нашей школе, затем смену в пионерлагере Литфонда «Внуково».

На площадке нас ежедневно в обед в сопровождении учительницы строем водили в другую школу, где была столовая. Впереди шли учительница и вожатый-ученик 7 класса (школа была семилеткой). Однажды к нашей колонне подошли трое хулиганов, и начали избивать вожатого (скорее всего, по заказу). Учительница, она же замдиректора школы и руководитель площадки, сделала вид, что не имеет к нам отношения, и быстренько смылась. А шпана, считая, что ее миссия выполнена, удалилась. Никто из 20 ребят (школа была мужская) не попытался защитить вожатого, правда мы были моложе шпаны по возрасту. Шпану боялись, они могли пырнуть ножом и даже выстрелить, в войну оружие свободно ходило по рукам. Но комплекс подчинения силе, даже если это только видимость силы, прикрывающаяся наглостью, глубоко сидит в нашей ментальности.

В пионерлагере была экскурсия на военный аэродром, будущий аэропорт Внуково, нас пустили в Дуглас – основной транспортный самолет США и СССР. Тогда мы были союзниками.

Показательным событием лета 1944 стало прохождение через Москву колонны из 57 тысяч пленных немцев, от генералов до рядовых. Многие шли босыми, вид у них был изможденный. Колонну сопровождала наша кавалерия, а за колонной двигались уборочные машины, смывающие немецкий след с асфальта столицы. Но, несомненно, центральное событие 1944 года – это открытие второго фронта, форсирование Ламанша, высадка союзников во Франции и продвижение вглубь Западной Европы. Исход войны абсолютно ясен, вопрос только в том, сколько продержится гитлеровский режим. И когда ему придется держать ответ за все содеянное, за все больше чем преступления. Ни в одном языке просто нет слов, чтобы описать степень вины гитлеризма перед человечеством.

Послесловие



Семен Абрамович
Юдицкий

22 июня 2016 г. исполнилось 75 лет с начала самой страшной войны за всю историю цивилизации. Мне 84 года, я ученый, еще работаю, контактирую с коллегами через Интернет, опубликовал несколько научных книг и открыл многим своим ученикам путь в науку. Просматриваю дорогу собственной жизни. Где-то далеко, далеко вижу маленького мальчишка, избалованного домашнего ребенка, которому вдруг сразу

пришлось в полной мере познать реалии эвакуации. А ведь таких детей были миллионы. А сколько людей, детей и взрослых, было убито или умерло от невыносимых условий. Так что мне еще надо благодарить судьбу, а вернее Бога. Более полувека я прошел по дороге жизни рядом с женой, мы воспитали сына, а он двух дочерей – наших внучек, из которых одна журналистка, другая заканчивает школу.

Мама прожила длинную и трудную жизнь, в основном из-за своего характера, и умерла на 89-м году. Война определила жизнь и судьбу нашего поколения и еще, вероятно, двух, следующих за нашим. И начала забываться. Можно услышать совершенно непотребные лозунги, воинственные призывы.

Произносящим их стоило бы напомнить о невероятных страданиях, которые принесла всем народам эта война.

Очерк этот о восприятии десятилетним мальчиком событий во время войны в глубоком тылу. Материал сугубо личный. Но мне хотелось бы добавить к нему совсем недавний удивительный эпизод, также личный, в котором участвовали уже покинувшие этот мир моя жена и моя мать. При жизни отношения между ними были более чем прохладными. Мама жила отдельно, последние 8 лет они вообще ни разу не виделись. В то памятное утро 2013 года жены не было в живых уже около года, мамы – 30 лет. Я проснулся очень рано, только начинало светать, и лежал в полудреме, тем не менее осознавая реальность. Неожиданно передо мной возникли жена и мать, жена еще очень молодая, мама такой, какой была в 50-е годы. Одеты были в знакомую мне одежду. Видел и слышал их слова очень четко. Жена ласково говорит «мама» (в земной жизни она ни разу не назвала свекровь мамой, только по имени-отчеству). Мама отвечает «деточка моя» (также ни разу не слышал от нее этих слов), и они обнимаются. А затем исчезают. Что же это было? Мой мозг, измученный самым болезненным переживанием всей моей жизни, подсознательно (на уровне подкорки) смоделировал желаемую ситуацию? Или это были их души из другого (астрального) мира, появившиеся чтобы показать мне, пока остающемся в этом мире, что они простили все друг другу и обе беспокоятся обо мне? Ответа у меня нет. Но есть уверенность, что это не сон.